Добавил(а) Платонова И.И.
30.01.11 11:29 -

МИХАИЛ АФАНАСЬЕВИЧ БУЛГАКОВ

(1891-1940)

«Белая гвардия» (1923-1924)

«Родился в г. Киеве в 1891 году. Учился в Киеве и в 1916 году окончил университет по медицинскому факультету, получив звание лекаря с отличием.

Судьба сложилась так, что ни званием, ни отличием не пришлось пользоваться долго. Как-то ночью в 1919 году, глухой осенью, едучи в расхлябанном поезде, при свете свечечки, вставленной в бутылку из-под керосина, написал первый маленький рассказ. В городе, в который затащил меня поезд, отнес рассказ в редакцию газеты. Там его напечатали. Потом напечатали несколько фельетонов. В начале 1920 года я бросил звание с отличием и писал. Жил в далекой провинции и поставил на местной сцене три пьесы. Впоследствии в Москве в 1923 году, перечитав их, торопливо уничтожил. Надеюсь, что нигде ни одного экземпляра их не осталось.

В конце 1921 года приехал без денег, без вещей в Москву, чтобы остаться в ней навсегда. В Москве долго мучился; чтобы поддерживать существование, служил репортером и фельетонистом в газетах и возненавидел эти звания, лишенные отличий. Заодно возненавидел редакторов, ненавижу их сейчас и буду ненавидеть до конца жизни.

В берлинской газете «Накануне» в течение двух лет писал большие сатирические и юмористические фельетоны.

Не при свете свечки, а при тусклой электрической лампе сочинил книгу «Записки на манжетах». Эту книгу у меня купило берлинское издательство «Накануне», обещав выпустить в мае 1923 года. И не выпустило вовсе. Вначале меня это очень волновало, а потом я стал равнодушен.

Напечатал ряд рассказов в журналах в Москве и Ленинграде.

Год писал роман «Белая гвардия». Роман этот я люблю больше всех других моих вещей.

Москва, октябрь 1924 г.».

М. А. Булгаков. Автобиография

«Велик был год и страшен по Рождестве Христовом 1918, от начала же революции второй. Был он обилен летом солнцем, а зимою снегом, и особенно высоко в небе стояли две звезды: звезда пастушеская - вечерняя Венера и красный, дрожащий Марс. <...>

Через год после того, как дочь Елена повенчалась с капитаном Сергеем Ивановичем Тальбергом, и в ту неделю, когда старший сын, Алексей Васильевич Турбин, после тяжких походов, службы и бед вернулся на Украину в Город, в родное гнездо, белый

гроб с телом матери снесли по крутому Алексеевскому спуску на Подол, в маленькую церковь Николая Доброго, что на Взвозе. <...>

Отпели, вышли на гулкие плиты паперти и проводили мать через весь громадный город на кладбище, где под черным мраморным крестом давно уже лежал отец. И маму закопали. Эх... Эх...

* * *

Много лет до смерти, в доме № 13 по Алексеевскому спуску, изразцовая печка в столовой грела и растила Еленку маленькую, Алексея старшего и совсем крошечного Николку. Как часто читался у пышущей жаром изразцовой площади «Саардамский Плотник», часы играли гавот, и всегда в конце декабря пахло хвоей, и разноцветный парафин горел на зеленых ветвях. В ответ бронзовым, с гавотом, что стоят в спальне матери, а ныне Еленки, били в столовой черные стенные башенным боем. Покупал их отец давно, когда женщины носили смешные, пузырчатые у плеч рукава. Такие рукава исчезли, время мелькнуло, как искра, умер отец-профессор, все выросли, а часы остались прежними и били башенным боем. К ним все так привыкли, что, если бы они пропали как-нибудь чудом со стены, грустно было бы, словно умер родной голос и ничем пустого места не заткнешь. Но часы, по счастью, совершенно бессмертны, бессмертен и Саардамский Плотник, и голландский изразец, как мудрая скала в самое тяжкое время живительный и жаркий.

Вот этот изразец, и мебель старого красного бархата, и кровати с блестящими шишечками, потертые ковры, пестрые и малиновые, с соколом на руке Алексея Михайловича, с Людовиком XIV, нежащимся на берегу шелкового озера в райском саду, ковры турецкие с чудными завитушками на восточном поле, что мерещились маленькому Николке в бреду скарлатины, бронзовая лампа под абажуром, лучшие на свете шкапы с книгами, пахнущими таинственным старинным шоколадом, с Наташей Ростовой, Капитанской Дочкой, золоченые чашки, серебро, портреты, портьеры, - все семь пыльных и полных комнат, вырастивших молодых Турбиных, все это мать в самое трудное время оставила детям и, уже задыхаясь и слабея, цепляясь за руку Елены плачущей, молвила:

- Дружно... живите.

Но как жить? Как же жить?

Алексею Васильевичу Турбину, старшему - молодому врачу- двадцать восемь лет. Елене - двадцать четыре. Мужу ее, капитану Тальбергу, - тридцать один, а Николке - семнадцать с половиной. Жизнь-то им как раз перебило на самом рассвете. Давно уже начало мести с севера, и метет, и не перестает, и чем дальше, тем хуже. Вернулся старший Турбин в родной город после первого удара, потрясшего горы над Днепром. Ну, думается, вот перестанет, начнется та жизнь, о которой пишется в школьных книгах, но она не только не начинается, а кругом становится все страшнее и страшнее. На севере воет и воет вьюга, а здесь под ногами глухо погромыхивает, ворчит встревоженная утроба земли. Восемнадцатый год летит к концу и день ото дня глядит все грознее и щетинистей.

* * *

Упадут стены, улетит встревоженный сокол с белой рукавицы, потухнет огонь в бронзовой лампе, а Капитанскую Дочку сожгут в печи. Мать сказала детям:

- Живите.

А им придется мучиться и умирать».

Добавил(а) Платонова И.И.
30.01.11 11:29 -

М. А. Булгаков. Белая гвардия (часть первая)

«Теперь, когда наша несчастная родина находится на самом дне ямы позора и бедствия, в которую ее загнала „великая социальная революция", у многих из нас все чаще и чаще начинает являться одна и та же мысль.

Эта мысль настойчивая.

Она - темная, мрачная, встает в сознании и властно требует ответа.

Она проста: а что же с нами будет дальше?

Появление ее естественно.

Мы проанализировали свое недавнее прошлое. О, мы очень хорошо изучили почти каждый момент за последние два года. Многие же не только изучили, но и прокляли.

Настоящее перед нашими глазами. Оно таково, что глаза эти хочется закрыть.

Не видеть!

Остается будущее. Загадочное, неизвестное будущее. <...>

Нам немыслимо сейчас созидать. Перед нами тяжкая задача - завоевать, отнять свою собственную землю.

Расплата началась.

Герои-добровольцы рвут из рук Троцкого пядь за пядью русскую землю.

И все, все - и они, бестрепетно совершающие свой долг, и те, кто жмется сейчас по тыловым городам юга, в горьком заблуждении полагающие, что дело спасения страны обойдется без них, все ждут страстно освобождения страны.

И ее освободят.

Ибо нет страны, которая не имела бы героев, и преступно думать, что родина умерла.

Но придется много драться, много пролить крови, потому что, пока за зловещей фигурой Троцкого еще топчутся с оружием в руках одураченные им безумцы, жизни не будет, а будет смертная борьба.

Нужно драться. <...>

Негодяи и безумцы будут изгнаны, рассеяны, уничтожены.

И война кончится.

Тогда страна, окровавленная, разрушенная, начнет вставать... Медленно, тяжело вставать.

Те, кто жалуется на „усталость", увы, разочаруются. Ибо им придется „устать" еще больше.

Нужно будет платить за прошлое неимоверным трудом, суровой бедностью жизни. Платить и в переносном и в буквальном смысле слова.

Платить за безумие мартовских дней, за безумие дней октябрьских, за самостийных изменников, за развращение рабочих, за Брест, за безумное пользование станками для печатания денег... за все!

И мы выплатим.

И только тогда, когда будет уже очень поздно, мы начнем кое-что созидать, чтобы стать полноправными, чтобы нас впустили опять в версальские залы.

Кто увидит эти светлые дни?

Мы?

О, нет! наши дети, быть может, а быть может, и внуки, ибо размах истории широк и десятилетия она так же легко „читает", как и отдельные годы.

И мы, представители неудачливого поколения, умирая еще в чине жалких банкротов, вынуждены будем сказать нашим детям:

- Платите, платите честно и вечно помните социальную революцию».

М. А. Булгаков. Грядущие перспективы, 1919

«<...> И наконец, последние мои черты в погубленных пьесах: „Дни Турбиных", „Бег" и в романе „Белая гвардия": упорное изображение русской интеллигенции как лучшего строя в нашей стране. В частности, изображение интеллигентско-дворянской семьи, волею непреложной исторической судьбы брошенной в годы гражданской войны в лагерь белой гвардии, в традициях „Войны и мира", - такое изображение вполне естественно для писателя, кровно связанного с интеллигенцией.

Но такого рода изображения приводят к тому, что автор их в СССР, наравне со своими героями, получает - несмотря на свои великие усилия СТАТЬ БЕССТРАСТНО НАД КРАСНЫМИ И БЕЛЫМИ - аттестат белогвардейца-врага, а получив его, как всякий понимает, может считать себя конченым человеком в СССР».

М. А. Булгаков. Из письма «Правительству СССР» 23 марта 1930

Задание 1

Обратите внимание на автобиографическую основу романа: Турбины - девичья фамилия бабушки Булгакова со стороны матери; семья Турбиных в значительной степени семья Булгаковых; другие персонажи романа имеют прямых прототипов среди киевских друзей и знакомых писателя. Вместе с тем «Белая гвардия» - это эпопея о русской интеллигенции в испытаниях революции и Гражданской войны. Какой смысл вкладывал Булгаков, говоря о «традиции „Войны и мира"» в своем романе? Какие последствия для писателя, в условиях господствовавшей большевистской диктатуры, имела попытка «стать бесстрастно над красными и белыми»? Можно ли сказать, что в самой структуре романа с его напряженным сюжетом, драматизмом и взрывчатостью повествования были заложены возможности преображения «Белой гвардии» в пьесу «Дни Турбиных»?

«Дни Турбиных» (1926)

«Тут мне начало казаться по вечерам, что из белой страницы выступает что-то цветное. Присматриваясь, щурясь, я убедился в том, что это картинка. И более того, что картинка эта не плоская, а трехмерная. Как бы коробочка, и в ней сквозь строчки видно: горит свет и движутся в ней те самые фигурки, что описаны в романе. <...>

С течением времени камера в книжке зазвучала. Я отчетливо слышал звуки рояля. <...> Когда затихает дом и внизу ровно ни на чем не играют, я слышу, как сквозь вьюгу прорывается и тоскливая и злобная гармоника, а к гармонике присоединяются и

сердитые и печальные голоса и ноют, ноют. О нет, это не под полом! Зачем же гаснет комнатка, зачем на страницах наступает зимняя ночь над Днепром, зачем выступают лошадиные морды, а над ними лица людей в папахах? И вижу я острые шашки, и слышу я душу терзающий свист. <...>

Всю жизнь можно было бы играть в эту игру, глядеть в страницу... А как бы фиксировать эти фигурки? Так, чтобы они не ушли более никуда?

И ночью однажды я решил эту волшебную камеру описать. Как же ее описать?

А очень просто. Что видишь, то и пиши, а чего не видишь, писать не следует. Вот: картинка загорается, картинка расцвечивается. Она мне нравится? Чрезвычайно. Стало быть, я пишу: картинка первая. Я вижу вечер, горит лампа. Бахрома абажура. Ноты на рояле раскрыты. Начинают играть „Фауста". Вдруг „Фауст" смолкает, но начинает играть гитара. Кто играет? Вон он выходит из дверей с гитарой в руках. Слышу - напевает. Пишу - напевает.

Да это, оказывается, прелестная игра! Не надо ходить на вечеринки, ни в театр ходить не нужно.

Ночи три я провозился, играя с первой картинкой, и к концу этой ночи я понял, что сочиняю пьесу».

М. А. Булгаков. Театральный роман, 1936-1937

«Когда возвращаешься воспоминаниями к „Дням Турбиных" и к первому появлению Булгакова в Художественном театре, то эти воспоминания не только для меня, но и для всех моих товарищей остаются одними из лучших: это была весна молодого советского Художественного театра. Ведь, по чести говоря, „Дни Турбиных" стали своего рода новой „Чайкой" Художественного театра. <...>

„Дни Турбиных" родились из романа „Белая гвардия". Этот огромный роман был наполнен такой же взрывчатой силой, какой был полон сам Булгаков. Постепенно шестнадцать картин, которые составляли первый вариант спектакля, уплотнились в семь. Каждая фраза заключала многоплановый смысл. Булгаков мог разъяснить в любом действующем лице не только что показано на сцене, но мог рассказать о всех его привычках, в ярчайших эпизодах подробно изложить биографию. <...>

Спектакль „Дни Турбиных" вызвал необыкновенно шумный отклик. Многочисленные жаркие дискуссии, выступления в печати, сопровождавшие „Дни Турбиных", доказывали взрывчатую силу пьесы. Булгакова обвиняли во всем, вплоть до апологии белого движения».

П. Марков. Булгаков и театр, 1988

«Москвичи знают, каким успехом пользовалась пьеса. Знакомая наша присутствовала на спектакле, когда произошел характерный случай.

Шло 3-е действие „Дней Турбиных". <...> батальон разгромлен. Город взят гайдамаками. Момент напряженный. В окне турбинского дома зарево. Елена с Лариосиком ждут. И вдруг слабый стук... Оба прислушиваются... Неожиданно из публики взволнованный женский голос: „Да открывайте же! Это свои!" Вот это слияние театра с

жизнью, о котором только могут мечтать драматург, актер и режиссер».
Л. Е. Белозерская-Булгакова. Воспоминания, 1990

«Безусловной злобой дня в нашем газетно-журнальном мире является постановка „Дней Турбиных" Михаила Булгакова. <...>

Успех „Белой гвардии" дает мысль Булгакову переделать рассказ в пьесу. Последняя удалась Булгакову с чисто технической, формальной стороны очень хорошо. Алексей Толстой говорит пишущему эти строки, что „Дни Турбиных" можно поставить на одну доску с чеховским „Вишневым садом". При безусловных художественных достоинствах пьеса Булгакова никчемна с чисто идеологической стороны. „Дни Турбиных" смело можно назвать апологией белогвардейцев. Кому это нужно - Булгаков из кожи лезет вон, чтобы доказать, что некоторые из офицеров белых армий были людьми приличными. Допустим, что это так. Тем хуже для них: если добрые офицеры „проливают" кровь и хотят закабалить трудящихся - они ничуть не отличаются от злобных петлюровцев. <...> Как можно отнестись к тому, что на сцене гостеатров каждый день публично восхваляются бывшие контрреволюционеры? Да, безусловно, это соблазн, никому не нужный. Гетманщина, Добрармия - это достояние истории, а не театральных подмостков».
Из сводки донесений в ОГПУ, 1926

«Произведя анализ моих альбомных вырезок, я обнаружил в прессе СССР за десять лет моей литературной работы 301 отзыв обо мне.

Из них: похвальных - было 3, враждебно-ругательных - 298.

Последние 298 представляют собой зеркальное отражение моей писательской жизни.

Героя моей пьесы „Дни Турбиных" Алексея Турбина печатно называли в стихах „СУКИНЫМ СЫНОМ", а автора пьесы рекомендовали как „одержимого СОБАЧЬЕЙ СТРАСТЬЮ". Обо мне писали как о „литературном УБОРЩИКЕ", подбирающем объедки после того, как „НАБЛЕВАЛА дюжина гостей".

Писали так:

„...МИШКА Булгаков, кум мой, ТОЖЕ, ИЗВИНИТЕ ЗА ВЫРАЖЕНИЕ, ПИСАТЕЛЬ, В ЗАЛЕЖАЛОМ МУСОРЕ ШАРИТ... Что это, спрашиваю, братишечка, МУРЛО у тебя... Я человек деликатный, возьми да и ХРЯСНИ ЕГО ТАЗОМ ПО ЗАТЫЛКУ... Обывателю мы без Турбиных вроде как БЮСТГАЛТЕР СОБАКЕ без нужды... Нашелся, СУКИН СЫН, НАШЕЛСЯ ТУРБИН, ЧТОБ ЕМУ НИ СБОРОВ, НИ УСПЕХА..." (Жизнь ИСКУССТВА. - 1927. - № 44).

Писали „о Булгакове, который чем был, тем и останется, НОВОБУРЖУАЗНЫМ ОТРОДЬЕМ, брызжущим отравленной, но бессильной слюной на рабочий класс и его коммунистический идеал" (Комсомольская правда. - 1926. - 14 октября).

Сообщали, что мне нравится „АТМОСФЕРА СОБАЧЬЕЙ СВАДЬБЫ вокруг какой-нибудь рыжей жены приятеля" (А. Луначарский // Известия. - 1926. - 8 ноября) и что от моей пьесы „Дни Турбиных" идет „ВОНЬ" (стенограмма совещания при Агитпропе

в мае 1927 г.), и так далее, и так далее...

Спешу сообщить, что цитирую я отнюдь не с тем, чтобы жаловаться на критику или вступать в какую бы то ни было полемику. Моя цель - гораздо серьезнее.

Я доказываю с документами в руках, что вся пресса СССР, а с нею и все учреждения, которым поручен контроль репертуара, в течение всех лет моей литературной работы единодушно, с НЕОБЫКНОВЕННОЙ ЯРОСТЬЮ доказывали, что произведения Михаила Булгакова в СССР не могут существовать».
М. А. Булгаков. Из письма «Правительству СССР» 23 марта 1930

«От нападок критики театры страхуют себя, ставя „Страх" (пьеса одного из руководителей РАППа А. Афиногенова о перевоспитании буржуазно настроенных ученых). МХТ 1 тоже „застраховал" себя... На просмотре „Страха" присутствовал хозяин. „Страх" ему будто бы не понравился, и в разговоре с представителями театра он заметил: „Вот у вас хорошая пьеса „Дни Турбиных" - почему она не идет?" Ему смущенно ответили, что она запрещена. „Вздор, - возразил он, - хорошая пьеса, ее нужно ставить, ставьте". И в десятидневный срок было дано распоряжение восстановить постановку...»
Ю. Л. Слезкин. Дневник. 21 февраля 1932

«В половине января 1932 года, в силу причин, которые мне неизвестны и в рассмотрение коих я входить не могу, Правительство СССР отдало по МХТ замечательное распоряжение - пьесу „Дни Турбиных" возобновить».
М. А. Булгаков. Письмо П. С. Попову от 25 января 1932

Задание 2

Сравните пьесу «Дни Турбиных» и роман «Белая гвардия». Как проявилось мастерство Булгакова-драматурга, сжавшего материал, укрупнившего образы и резче прочертившего главный конфликт? Случайно ли, что «Дни Турбиных» сравнивали с чеховским театром - с «Чайкой» (П. Марков) и «Вишневым садом» (А. Толстой)? Можно ли сказать, что булгаковские герои - русские провинциальные интеллигенты, близкие чеховским, но поставленные в совершенно иные, трагические обстоятельства? Вправе ли мы, с другой стороны, утверждать, что гротескные сцены (дворец гетмана, штаб петлюровцев) имеют своими истоками высокую гоголевскую традицию? Почему «Дни Турбиных» вызвали резкое неприятие ревнителей господствовавшей идеологии?
«Роковые яйца» (1925). «Собачье сердце» (1925)
Сатирик и власть

«Очень мне нравится Булгаков. У него в „Недрах" (в последней книге) замечательный рассказ „Роковые яйца". Я прочел два раза подряд прямо с восторгом».
Письмо М. Л. Слонимского М. Горькому, 28 апреля 1925

«Булгаков очень понравился мне, очень, но он сделал конец рассказа плохо. Поход пресмыкающихся на Москву не использован, а, подумайте, какая это чудовищно интересная картина».
Письмо М. Горького М. Л. Слонимскому, 8 мая 1925

«Хотелось бы очень написать Вам о русской литературе здесь, у нас, да слишком трудно. Пропадает художественная честность у писателя, не смеет он быть таковым, масса указок протянута над ним, и тянет - кого в прошлое, кого в фантастику. А таланты есть. Обратили ли Вы внимание на М. Булгакова в „Недрах"? Я от него жду очень многого, если не погибнет он от нищеты и невозможности печататься».
Письмо В. В. Вересаева М. Горькому, 30 июня 1925

«Непримиримейшим врагом Советской власти является автор „Дней Турбиных" и „Зойкиной квартиры" Мих. Афанасьевич Булгаков, бывший сменовеховец. Можно просто поражаться долготерпению и терпимости Советской власти, которая до сих пор не препятствует распространению книги Булгакова (изд. „Недра") „Роковые яйца". Эта книга представляет собой наглейший и возмутительный поклеп на Красную власть. Она ярко описывает, как под действием красного луча родились грызущие друг друга гады, которые пошли на Москву. Там есть подлое место, злобный кивок в сторону покойного т. ЛЕНИНА, что лежит мертвая жаба, у которой даже после смерти осталось злобное выражение на лице. Как эта его книга свободно гуляет - невозможно понять. Ее читают запоем. Булгаков пользуется любовью молодежи, он популярен».
Из сводки донесений в ОГПУ, 22 февраля 1928

«Был на очередном литературном „субботнике" у Е. Ф. Никитиной. <...> Читал Булгаков свою новую повесть. Сюжет: профессор вынимает мозги и семенные железы у только что умершего и вкладывает их в собаку, в результате чего получается „очеловечение" последней. При этом вся вещь написана во враждебных, дышащих бесконечным презрением к Совстрою тонах. <...>

Есть верный, строгий и зоркий страж у Соввласти, это - Главлит, и если мое мнение не расходится с его, то эта книга света не увидит».
Из сводки донесений в ОГПУ, 9 марта 1925

«Дорогой Михаил Афанасьевич, посылаю Вам „Записки на манжетах„ и „Собачье сердце". Делайте с ними, что хотите. Сарычев в Главлите заявил, что „Собачье сердце" чистить уже не стоит. „Вещь в целом недопустима" или что-то в этом роде».
Письмо сотрудника издательства «Недра» Б. Леонтьева
М. А. Булгакову, 21 мая 1925

«После того как все мои произведения были запрещены, среди многих граждан, которым я известен как писатель, стали раздаваться голоса, подающие мне один и тот же совет:

сочинить „коммунистическую пьесу" (в кавычках я привожу цитаты), а кроме того, обратиться к Правительству СССР с покаянным письмом, содержащим в себе отказ от прежних моих взглядов, высказанных мною в литературных произведениях, и уверения в том, что отныне я буду работать как преданный идее коммунизма писатель-попутчик.

Цель: спастись от гонений, нищеты и неизбежной гибели в финале.

Этого совета я не послушался. Навряд ли мне удалось бы предстать перед Правительством СССР в выгодном свете, написав лживое письмо, представляющее собой неопрятный и к тому же наивный политический курбет. Попыток же сочинить коммунистическую пьесу я даже не производил, зная заведомо, что такая пьеса у меня не выйдет. <...>

Вот одна из черт моего творчества и ее одной совершенно достаточно, чтобы мои произведения не существовали в СССР. Но с первой чертой в связи все остальные, выступающие в моих сатирических повестях: черные и мистические краски (я - МИСТИЧЕСКИЙ ПИСАТЕЛЬ), в которых изображены бесчисленные уродства нашего быта, яд, которым пропитан мой язык, глубокий скептицизм в отношении революционного процесса, происходящего в моей отсталой стране, и противопоставление ему излюбленной Великой Эволюции, а самое главное - изображение страшных черт моего народа, тех черт, которые задолго до революции вызывали глубочайшие страдания моего учителя М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Нечего и говорить, что пресса СССР и не подумала серьезно отметить все это, занятая малоубедительными сообщениями о том, что в сатире М. Булгакова - „КЛЕВЕТА".

Один лишь раз, в начале моей известности, было замечено с оттенком как бы высокомерного удивления:

„М. Булгаков ХОЧЕТ стать сатириком нашей эпохи" (Книгоноша. -1925. - № 6).

Увы, глагол „хочет" напрасно взят в настоящем времени. Его надлежит перевести в плюсквамперфектум: М. Булгаков СТАЛ САТИРИКОМ и как раз в то время, когда никакая настоящая (проникающая в запретные зоны) сатира в СССР абсолютно немыслима.

Не мне выпала честь выразить эту криминальную мысль в печати. Она выражена с совершеннейшей ясностью в статье В. Блюма (№ 6 „Лит. газ."), и смысл этой статьи блестяще и точно укладывается в одну формулу:

ВСЯКИЙ САТИРИК В СССР ПОСЯГАЕТ НА СОВЕТСКИЙ СТРОЙ.

Мыслим ли я в СССР? <...>

Я ПРОШУ ПРАВИТЕЛЬСТВО СССР ПРИКАЗАТЬ МНЕ В СРОЧНОМ ПОРЯДКЕ

ПОКИНУТЬ ПРЕДЕЛЫ СССР В СОПРОВОЖДЕНИИ МОЕЙ ЖЕНЫ ЛЮБОВИ ЕВГЕНЬЕВНЫ БУЛГАКОВОЙ. <...>

Если же и то, что я написал, неубедительно и меня обрекут на пожизненное молчание в СССР, я прошу Советское Правительство дать мне работу по специальности и командировать меня в театр на работу в качестве штатного режиссера. <...>

Я прошу о назначении меня лаборантом-режиссером в 1-й Художественный театр - в лучшую школу, возглавляемую мастерами К. С. Станиславским и В. И. Немировичем-Данченко.

Если меня не назначат режиссером, я прошусь на штатную должность статиста. Если и статистом нельзя - я прошусь на должность рабочего сцены.

Если же и это невозможно, я прошу Советское Правительство поступить со мной, как оно найдет нужным, но как-нибудь поступить, потому что у меня, драматурга, написавшего 5 пьес, известного в СССР и за границей, налицо В ДАННЫЙ МОМЕНТ - нищета, улица и гибель».

М. А. Булгаков. Из письма «Правительству СССР», 23 марта 1930

«Когда я с ними познакомилась, у них было трудное материальное положение, не говоря уже об ужасном душевном состоянии М<ихаила> А<фанасьевича>... Тогда он написал письмо правительству. <...> А 18 апреля часов в 6-7 вечера он прибежал, взволнованный, в нашу квартиру <...> и рассказал следующее. Он лег после обеда, как всегда, спать, но тут же раздался телефонный звонок, и Люба его подозвала, сказав, что из ЦК спрашивают. М<ихаил> А<фанасьевич> не поверил, решил, что это розыгрыш (тогда это проделывалось), и, взъерошенный, взялся за трубку и услышал:

- Михаил Афанасьевич Булгаков?

- Да, да.

- Сейчас с вами товарищ Сталин будет говорить.

- Что? Сталин? Сталин?

И тут же услышал голос с явно грузинским акцентом:

- Да, с вами Сталин говорит. Здравствуйте, товарищ Булгаков (или - Михаил Афанасьевич - не помню точно).

- Здравствуйте, Иосиф Виссарионович.

- Мы ваше письмо получили. Читали с товарищами. Вы будете по нему благоприятный ответ иметь... А может быть, правда - вы проситесь за границу? Что, мы вам очень надоели?

(М<ихаил> А<фанасьевич> сказал, что он настолько не ожидал подобного вопроса (да он и звонка вообще не ожидал) - что растерялся и не сразу ответил):

- Я очень много думал в последнее время - может ли русский писатель жить вне родины? И мне кажется, что не может.

- Вы правы. Я тоже так думаю. Вы где хотите работать? В Художественном театре?

- Да, я хотел бы. Но я говорил об этом, и мне отказали.

- А вы подайте заявление туда. Мне кажется, что они согласятся. Нам бы нужно встретиться, поговорить с вами.

- Да, да! Иосиф Виссарионович, мне очень нужно с вами поговорить.

- Да, нужно найти время и встретиться обязательно. А теперь желаю вам всего

хорошего. <...>

На следующий день после разговора М<ихаил> А<фанасьевич> пошел в МХАТ, и там встретили с распростертыми объятиями. Он что-то пробормотал, что подает заявление...

- Да Боже ты мой! Да пожалуйста! Да вот хоть на этом... (и тут же схватили какой-то лоскуток бумаги, на котором М<ихаил> А<фанасьевич> написал заявление).

И его зачислили ассистентом-режиссером в МХАТ».
Воспоминания Е. С. Булгаковой // Булгаков Михаил.
Дневник. Письма. 1914-1940. - М., 1997

Задание 3

Последней прижизненной публикацией Булгакова был рассказ «Морфий», напечатанный в журнале «Медицинский работник» в 1927 году на родине писателя. Прав ли был Булгаков, утверждая в своем письме, что писатель-сатирик в условиях советской действительности - явление невозможное? Чем, на ваш взгляд, отличается булгаковская сатира, пронизанная, по словам писателя, «глубоким скепсисом в отношении революционных процессов, происходящих в моей отсталой стране», от юмора в талантливых произведениях И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» и «Золотой теленок»? Можно ли сказать, что если бы в эту пору появился Салтыков-Щедрин, то он повторил бы судьбу Булгакова? Какой смысл вкладывал Булгаков в слова о том, что он «мистический» писатель, и как это претворилось в его итоговом произведении - романе «Мастер и Маргарита»?
«Мастер и Маргарита» (1940)

«В меня вселился бес. Уже в Ленинграде и теперь здесь, задыхаясь в моих комнатенках, я стал марать страницу за страницей наново тот свой уничтоженный три года назад роман. Зачем? Не знаю. Я тешу себя сам! Пусть упадет в Лету! Впрочем, я, наверное, скоро брошу это».
М. А. Булгаков. Письмо В. В. Вересаеву, 2 августа 1933

«Передо мною 327 машинописных страниц (около 22 глав). Если буду здоров, скоро переписка закончится. Останется самое важное - корректура авторская, большая,

сложная, внимательная, возможно с перепиской некоторых страниц.

„Что будет?" - ты спрашиваешь. Не знаю. Вероятно, ты уложишь его в бюро, где лежат убитые мои пьесы, и иногда будешь вспоминать о нем. Впрочем, мы не знаем нашего будущего.

Свой суд над этой вещью я уже совершил, и, если мне удастся еще немного приподнять конец, я буду считать, что вещь заслуживает корректуры и того, чтобы быть уложенной в тьму ящика. <...>

...Эх, Кука, тебе издалека не видно, что с твоим мужем сделал после страшной литературной жизни последний закатный роман».

М. А. Булгаков - Е. С. Булгаковой, 15 июня 1938

«Роман „Мастер и Маргарита" оказался последней книгой Булгакова. И написан он так, словно автор, заранее чувствуя, что это его последнее произведение, хотел вложить в него без остатка всю остроту своего сатирического глаза, безудержность фантазии, силу психологической наблюдательности.

Щедрость, с которой это сделал Булгаков, строя причудливое здание своего романа, местами при чтении кажется даже неумеренной, а переходы от одного к другому - от сатиры к психологической прозе, от психологической прозы к фантастике - порой настолько резки, что начинают казаться швами в ткани повествования. Есть в этой книге какая-то безудержность, какая-то предсмертная ослепительность большого таланта, где-то в глубине души своей чувствующего краткость оставшегося ему жизненного пути.

„Мастер и Маргарита" - одна из тех беспокойных книг, в которых разным людям разное нравится и, добавлю, разное не нравится; в которых, читая их, одно приемлют, с другим спорят, с третьим не соглашаются...

В мою, например, благодарную память после чтения романа глубже всего вторгся беспощадно точный рассказ об одном дне римского прокуратора Иудеи Понтия Пилата - это роман в романе, психологический внутри фантастического».

Константин Симонов. О трех романах Михаила Булгакова, 1973

«Обобщив громадный мифологический материал, Булгаков показал неразрывную взаимосвязь „света и тени". <...> Вслед за автором „Божественной комедии" <...> Булгаков положил в основу своего романа дуалистическую концепцию, которой подчинены различные планы развертывающихся в „Мастере и Маргарите" картин борьбы „света и тени"».

И. Ф. Бэлза. Генеалогия «Мастера и Маргариты», 1978

«Конечно, в движении культуры есть большие дороги, и обнаружить их признаки, следы далеких соответствий, бывает важнее, чем выделить насущный момент. Эти общие линии находят тому же моменту его место, дают направление, включают в духовную связь. Но это совсем иное, чем источники. <...>

Но нельзя не повторить: все они - соответствия, разной силы и достоинства, далекие и близкие, имеющие каждое свою идею. Если же попытаться объявить их источником, выводить из них новый образ и тем более судить по ним этот образ, наступит затмение, а иногда и катастрофа.

Она становится почти неотвратимой, когда, например, в источники попадает вера и начинают всерьез обсуждать в одном ряду известные главы романа и Евангелие. Но воображать, что, согласно Булгакову, „на самом деле" не было никакого Иисуса, а был Иешуа, так же нелепо, как и верить, что „раньше всего ни на какую ногу описываемый не хромал и росту был не маленького и не громадного, а просто высокого... Правый глаз черный, левый почему-то зеленый". Роман - вымысел, сказка. По классическому суждению Пушкина, „сказка - ложь, да в ней намек", то есть бесспорная ложь и перед действительностью, перед верой (которая для верующего есть главная действительность); зато - житейское допущение, фантазия, позволяющая лучше видеть и проверить отношение нашей правды к высшей».
П. В. Палиевский. В присутствии классика, 1993

«Одна подробность как будто дает пониманию первый шаг. Мы замечаем, что он посмеивается над дьяволом. Странный для серьезной литературы XX века поворот, где дьявола привыкли уважать. У Булгакова что-то совсем не то. Он смеется над силами разложения вполне невинно, но чрезвычайно для них опасно, потому что мимоходом разгадывает их принцип.

После первого изумления безнаказанностью всей „клетчатой" компании глаз наш начинает различать, что глумятся-то они, оказывается, там, где люди сами уже до них над собой поглумились; что они только подъедают им давно оставленное.

Заметим: нигде не прикоснулся Воланд, булгаковский князь тьмы, к тому, кто сознает честь, живет ею и наступает. Но он немедленно просачивается туда, где ему оставлена щель, где отступили, распались и вообразили, что спрятались: к буфетчику с „рыбкой второй свежести" и золотыми десятками в тайниках; к профессору, чуть подзабывшему Гиппократову клятву; к умнейшему специалисту по „разоблачению" ценностей, которого самого он, отделив голову, с удовольствием отправляет в „ничто".

Работа его разрушительна - но только среди совершившегося уже распада. Без этого условия его просто нет; он является повсюду, как замечают за ним, без тени, но это потому, что он сам только тень, набирающая силу там, где недостало сил добра, где честь не нашла себе должного хода, не сообразила, сбилась или позволила потянуть себя не туда, где - чувствовала - будет правда. Вот тут-то „ён", как говаривала одна бабушка о дьяволе, ее и схватил».
П. В. Палиевский. Последняя книга М. Булгакова, 1979

Добавил(а) Платонова И.И.
30.01.11 11:29 -

«Роман Булгакова для русской литературы действительно в высшей степени новаторский, а потому и нелегко дающийся в руки. Только критик приближается к нему со старой стандартной системой мер, как оказывается, что кое-что не так, а кое-что совсем не так. Платье менипповой сатиры при примеривании хорошо закрывает одни места, но оставляет оголенными другие, пропповские критерии волшебной сказки приложимы лишь к отдельным, по удельному весу весьма скромным, событиям, оставляя почти весь роман и его основных героев за бортом. Фантастика наталкивается на сугубый реализм, миф на скрупулезную историческую достоверность, теософия на демонизм, романтика на клоунаду».
М. Крепс. Булгаков и Пастернак как романисты: Анализ романов «Мастер и Маргарита» и «Доктор Живаго», 1984

«Три основных мира Мастера> и Маргариты> - древний ершалаимский, вечный потусторонний и современный московский не только связаны между собой (роль связки выполняет мир сатаны), но и обладает собственными шкалами времени. <...> Эти три мира имеют три коррелирующих между собой ряда основных персонажей, причем представители различных миров формируют триады, объединенные функциональным подобием и сходным взаимодействием с персонажами своего мира, а в ряде случаев - и портретным сходством.

Первая и наиболее значимая триада - это прокуратор Иудеи Понтий Пилат - „князь тьмы"Воланд - директор психиатрической клиники профессор Стравинский. <...> Вторая триада:Афраний, первый помощник Понтия Пилата, - Коровьев-Фагот, первый помощник Воланда, - врач Федор Васильевич, первый помощник Стравинского. <...> Третья триада: кентурион Марк Крысобой, командир особой кентурии, - Азазелло, демон-убийца, - Арчибальд Арчибальдович, директор ресторана Дома Грибоедова. <...> Четвертая триада - это животные, в большей или меньшей степени наделенные человеческими чертами: Банга, любимый пес Пилата, - кот Бегемот, любимый шут Воланда, - милицейский пес Тузбубен, современная копия собаки прокуратора. <...> Пятая триада - единственная в „Мастере и Маргарите", которую формируют персонажи-женщины: Низа, агент Афрания, - Гелла, агент и служанка Фагота-Коровьева, - Наташа, служанка (домработница) Маргариты. <...> Два таких тесно связанных друг с другом персонажа „Мастера и Маргариты", какИешуа Га-Ноцри и Мастер, образуют не триаду, а диаду. <...> Маргарита, в отличие от Мастера, занимает в „Мастере и Маргарите" совсем уникальное положение, не имея аналогов среди других персонажей романа. Тем самым Булгаков подчеркивает неповторимость любви героини к Мастеру и делает ее символом милосердия и вечной женственности».
Борис Соколов. Энциклопедия булгаковская. «Мастер и Маргарита», 1997

Задание 4

Добавил(а) Платонова И.И.
30.01.11 11:29 -

Каков смысл и главный конфликт (или, вернее, конфликты) «закатного» романа Булгакова? Вправе ли мы сказать, что это извечное противостояние нравственного подвига и предательства, творческого таланта и мстительной бездарности, совестливой правды и подлого жульничества, всепоглощающей любви и тупого равнодушия? Сквозь призму каких литературных традиций осваивает писатель «громадный мифологический материал» (И. Ф. Бэлза)? Как соотносится роман с «европейской» традицией в изображении запредельных сил добра и зла («Божественная комедия» Данте, «Фауст» Гете, «Эликсир дьявола» Гофмана и др.)? В чем смысл предостережения литературоведа П. Палиевского о неплодотворности и даже кощунственности сопоставления Иешуа Га-Ноцри с Иисусом Христом? Американский исследователь М. Крепс, говоря о новаторстве романа, отмечает недостаточность таких понятий, как «мениппова сатира», предполагающая смешение высокого и низкого жанров, пародирование эпоса и трагедии, и «пропповские критерии волшебной сказки» - теоретические исследования В. Я. Проппа структуры и генезиса волшебных сказок и былин. Можно ли сказать, что «Мастер и Маргарита» своего рода уникальное произведение, вобравшее в себя едва ли не все жанры литературы? Проследите конкретно связь между триадами в романе, о которых говорит в своей «Энциклопедии булгаковской» Б. Соколов. Попытайтесь самостоятельно найти шестую и седьмую (враги Иешуа и Мастера), а также восьмую (те, кто выступает в роли учеников Иешуа и Мастера, а ранее - Каифы и Берлиоза) триады.